

Провинциальная жизнь рубежа XIX и XX веков сквозь призму творчества Александра Куприна

Нел Белняк

Русские писатели XIX и начала XX века создали широкую панораму провинциальной жизни, рассматривая данный вопрос с самых разнообразных и нередко противоположных точек зрения. Одни идеализировали провинциальный быт и нравы, другие напротив — изображали их в сатирическом или обличительном ключе. Особенности русской провинциальности запечатлены в творчестве таких классиков, как Александр Пушкин, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Иван Гончаров, Михаил Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и многие другие, определившие во многом своими произведениями парадигму изображения провинции дальнейшими русскими прозаиками. Пришедшее им на смену новое поколение писателей рубежа веков, продолжавшее реалистические традиции и вопросы тоже не обошло молчанием тему провинции. Ее своеобразная жизненная философия, шкала ценностей и социокультурные черты получили глубокую разработку, в частности, в произведениях Леонида Андреева, Ивана Бунина, Викентия Вересаева, Максима Горького, Евгения Замятина, Александра Серафимовича и Антона Чехова.

Яркие картины русского захолустья создал тоже Александр Куприн (1870—1938), провинциал по рождению, ставший столичным писателем. Хотя прозаик родился в глухой провинции, в Наровчате Пензенской губернии, родным городом считал Москву, так как именно здесь в казенных заведениях провел детство и юность. Столкновение с настоящей провинциальной жизнью произошло лишь в начале девяностых годов XIX века во время четырехлетней офицерской службы на юго-западе России.

Воспоминания, связанные с пребыванием в полку в Проскурове, окрашены Куприным в темный цвет:

[...] Судьба швырнула меня... в самую глушь юго-западного края, как нестерпимо были тяжелы первые дни и недели! Чужие люди, чужие нравы и обычаи, суровый, бедный, скучный быт Черноземного захолустья. А главное — всего острее

чувствовалось — дикий, ломаный язык, возмутительная смесь языков русского, малорусского, польского и молдавского. Днем еще кое-как терпелось [...]. Но мучительны были ночи. Всегда снилось одно и то же: Москва, церковь Покрова на Пресне, Кудринская, Садовая, Никитинская Малая и Большая. И всегда во сне было чувство, что этого больше никогда не увижу: конец, разлука, почти смерть¹.

Судя по отчаянным словам автора *Молоха*, можно прийти к выводу, что в то время жизнь в провинции расценивается им как своеобразное наказание. Удручающие проскуровские впечатления писателя нашли свое отражение в ряде произведений, в которых выведен негативный образ провинциального быта, напр., *Впотьмах* (1892), *К славе* (1894), *Негласная ревизия* (1894), *Игрушка* (1895), *Миллионер* (1895), *Мирное житие* (1904), *Свадьба* (1908).

Выйдя в отставку, Куприн переменял множество профессий, изъездил ряд городов юга России, побывал в Рязанской и Волынской губерниях. Годы скитаний закончились лишь в конце ноября 1901 года, когда писатель переехал в Петербург, но спешка и суета столичной жизни быстро ему надоели. Куприн по мере возможности покидал столицу и уезжал в Крым или в Новгородскую губернию в Даниловское, имение своего друга Федора Батюшкова. По словам Олега Михайлова, во время работы над *Поединком* прозаик обратился к жене со следующими словами: «Если я на время не брошу работу в журнале и не уеду из Петербурга, который терпеть не могу, я „Поединок“ не напишу»².

За это время писатель приобрел большой жизненный опыт, давший ему в свою очередь богатый материал для творчества. Его наблюдения той поры нашли отклик в таких произведениях, как: *Без заглавия* (1895), *Лесная глушь* (1898), *Олеся* (1898), *На глухарей* (1899), *Путевые картинки* (1900), *На покое* (1902), *Конокрады* (1903), *Черный туман* (1905), *Попрыгунья-стрекоза* (1910), *Гранатовый браслет* (1910), *Черная молния* (1912) и цикле очерков *Листригоны* (1907—1911).

Всем названным произведениям прозаика присуща своеобразная двойственность в изображении русского захолустного мира и многосторонний подход к вопросу. Это связано с одной стороны с его проскуровскими угнетающими воспоминаниями, с другой — с увлечением природой, охотой, простой, уютной жизнью.

Интересно, что в большинстве случаев, провинциальные города либо не называются, либо обозначаются сокращенными наименованиями (город Р*, К. и т.п.). Куприн лишь изредка помещает действие сво-

¹ В. Лилин: *Александр Иванович Куприн. Биография писателя*. Ленинград 1975, с. 15.

² О. Михайлов: *Жизнь Куприна. «Настоящий художник — громадный талант»*. Москва 2001, с. 104.

их произведений в конкретный город, так как одной из отличительных черт провинциальных городов является их безымянность. Любой город лишенный названия приобретает универсальные черты захолустного городка с его слякотью, косной жизнью, сонным безмолвием и скукой. Определяя место действия, писатель часто употребляет такие или похожие слова: «[...] маленький северный русский городишко, о котором учебники географии говорят кратко: „уездный город такой-то“, не приводя о нем никаких дальнейших сведений»³.

Немалое место в творчестве Куприна занимают обличительные ноты, основанные на глубоком знании русской провинциальной жизни, к атрибутам которой можно отнести: ханжество, интриги, злословие, доноительство, адюльтер, пьянство, азарт, невежество, косность ума местной интеллигенции, маразм, отсталость, а также казнокрадство, взяточничество и злоупотребления. Читая произведения Куприна, возникает тягостное впечатление, что этот список можно еще продолжать до бесконечности.

Хорошей иллюстрацией к вышесказанному являются иронические слова героя повести *Впотьмах* о городе Р*, в котором ему пришлось жить:

[...] мне каждый камешек в нем опротивел. Притом вы, должно быть, слышали о нашей грязи. У нас однажды исправник с целой тройкой лошадей утонул в грязи перед городским клубом, только об этом запретили писать в газетах. Но у нас и кроме грязи много замечательного. Во-первых, рысаки, похожие на выкормленных купцов, и, во-вторых, купцы, близкие к первобытному состоянию. Замечательно, что в этом богоспасаемом граде живешь, как в фонарике. Представьте себе, я не только всех жителей, но даже их собак знаю по кличкам. Точно так же всему городу известно, что у меня к обеду готовится и о чем я вчера разговаривал по секрету со своим приятелем. Зато если уж наши провинциальные премьерши примутся кому-нибудь перемывать косточки, то делают это с неподражаемым совершенством, тем более что тем для такого занятия бывает много, ибо город изобилует легкими и приятными нравами⁴.

Неотъемлемой частью провинциальной жизни являются любовные интриги, оттеняющие отсутствие нравственных принципов. Этот мотив пронизывает многие купринские произведения: *Впотьмах*, *Без заглавия*, *Игрушка*, *К славе*, *Лесная глушь*, *Мирное житие*, *Черный туман* и др.

Жданов из рассказа *Игрушка* отмечает: «В провинциальном городке между танцами в общественном собрании, загородными пикниками [...]

³ А.И. Куприн: *Черная молния*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 5. Москва 1972, с. 363.

⁴ А.И. Куприн: *Впотьмах*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 1. Москва 1970, с. 59.

и любительскими спектаклями адюльтер создается очень скоро и на семейных началах»⁵.

Здесь супружеская неверность никого не удивляет, мужа закрывают глаза, а весь город следит за любовниками с животрепещущим интересом, более того к измене относятся снисходительно и добродушно, считая законным между тремя людьми отношением. К примеру, в рассказе *Черная молния* хозяева, приглашая гостей в столовую, «так перетасовали гостей, что парочки, склонные к флирту или соединенные давнишней, всему городу известной связью, очутились вместе»⁶.

Присущий маленьким городишкам тесный круг общения и отсутствие личной жизни порождают доносительство. В рассказе *Мирное житие* Куприн пишет выразительный портрет благочестивого бывшего учителя и старого холостяка сходного с чеховским Беликовым, который вносит разнообразие в свою жизнь, вразумляя местных жителей и уча их нравственности путем доносов по начальству, анонимных писем и сплетен. Самое страшное, что Наседкин искренне убежден в правоте своего поведения и верит, что за собственные заслуги перед отечеством и Богом ему уготовано в будущей жизни теплое радостное место, в то время как он своим вмешательством в чужие дела причиняет исключительно вред. Примером может служить казус купчихи Щербачевой, муж которой преупрежденный анонимным письмом о ее связи с приказчиком, избил ее почти до смерти и с тех пор не сказал с ней ни одного слова.

Испорченность так называемого провинциального «общества», подчеркивается Куприным дурными наклонностями его представителей, которые живут выше средств, пьянствуют и страстно предаются карточной игре, проигрывая не только собственные, но и нередко казенные деньги, как герой повести *Впотьмах*. Мотив незаконного израсходования чужих денег, взяточничества и злоупотреблений является предметом художественного исследования прозаика в произведениях *Мирное житие*, *Олеся*, *Черная молния* и *Негласная ревизия*. Очень интересен в этом отношении последний рассказ, так как здесь автор тщательно анализирует процесс подкупания молодого, в собственном представлении строгого и справедливого чиновника бывалым человеком. Богатый обед, французские вина, дорогая сигара и присутствие красивой жены Персюкова, внимательно глядевшей в его глаза, легко и быстро размягчили неподкупного героя:

Скромная трапеза состояла из жареных устриц, бульона с какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрины, дичи и замечательной толстой белой спаржи. [...] Вина подавались тонкие и дорогие, не из тех хересов

⁵ Idem: *Игрушка*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 1..., с. 254.

⁶ Idem: *Черная молния*..., с. 366

помадеристее, которые так любит хлебосольная и падкая на разноцветные ярлыки провинция, но настоящие, выдержанные французские вина. С каждым глотком душистой влаги Иван Петрович чувствовал, как в груди его таяло справедливое негодование и умолкали грубые перуны⁷.

Составной частью каждого общества является интеллигенция, к сожалению, изображенные Куприным представители местной интеллигенции лишь дополняют беспросветную картину уездного ничтожества. К указанным выше дурным привычкам и недостаткам провинциалов писатель добавляет пустословие и беспринципность ителлигентов, их духовное убожество и ханжество. Отсутствие живых интересов, отсталость и критиканство этой среды указано в рассказе *Черная молния*, где рассказчик замечает: «И смешно и трогательно было слушать, как они проникновенно и прозорливо толковали о событиях, происходивших месяц-полтора тому назад, и горячились по поводу новостей, давно уже забытых всеми на свете»⁸.

Все это не мешает им предъявлять претензий на значительность и претендовать на звание сливок общества. Жалкие попытки выдать себя за культурных и светских проявляются, напр., в поведении дам во время чаепития: «Когда они прихлебывали чай из своих чашек, то каждая непременно самым противоестественным образом оттопыривала в сторону мизинец правой руки, что, как известно, считается признаком светского тона и грациозной изнеженности»⁹.

То же стремление видно в речи хитрого и глупого деревенского старосты из рассказа *Попрыгунья-стрекоза*, говорящего, по словам рассказчика, на ужасном «столичном» языке.

В произведениях *К славе* и *На покое* вырисовывается столь же отталкивающая картина актерской среды, для которой свойственны цинизм, наглость, алкоголизм, злоязычие, а также склонность к ссорам и интригам. От такой печальной участи предостерегает героиню первого рассказа известный артист. Надеясь спасти Лидочку, профессор Славин-Славинский не выбирает выражений и говорит довольно сочным языком:

[...] каждый раз, когда судьба приведет в мою гостиную молодое, стремительное существо, — мне все кажется, что я его толкаю собственными руками в глубокий и грязный омут. Вы и представить себе не можете, что это за клоака — провинциальная сцена [...] ¹⁰.

⁷ Idem: *Негласная ревизия*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 1..., с. 187.

⁸ Idem: *Черная молния...*, с. 368.

⁹ Ibidem, с. 367.

¹⁰ Idem: *К славе*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 1..., с. 208.

История героини служит грустным примером для того, что закулисная жизнь с попойками, скандалами и свободной любовью за короткое время превращает неунывающих, наивных, пленительных девушек в уставших жить женщин. Решаясь в юности полностью отдать себя театру, она не знала, что став актрисой одновременно потеряет почтение общества, в восприятии которого артистка театра является синонимом женщины легкого поведения. Следует отметить, что неуважение к представительницам этой профессии все-таки не мешает мужской части местного общества и интеллигенции развлекаться в приятной компании актеров.

Всем выведенным на страницах своих произведений оскудевшим умами и чувствами людям противопоставляет Куприн героев, верящих в высокие идеалы и следующих своему призванию типа Лидочки, Зины из повести *Впотьмах*, пожертвовавшей собой ради спасения пошлого и лживого казнокрада и азартного игрока Аларина или лесничего Турченко из *Черной молнии*, настоящего «фанатика дела и бессеребренника», внедрявшего любовь к лесу, устраивавшего праздники лесонасаждения. Увы праздная и бессмысленная провинциальная среда поглощает идеалистов. Они либо не поняты и смешны, как Турченко надоевший всем своими речами о защите лесов, либо погрязают в разврате, как Лидочка, либо погибают, как умершая от нервной горячки Зина, неожиданно разочаровавшаяся в человеке, которого вознесла на пьедестал.

Нравственное падение героев прозаик оттеняет описанием интерьера. В *Черной молнии* пишет отвратительную картину захолустного городского клуба с общарпанными обоями и заплеванным полом, зато в рассказе *К славе* воссоздает угнетающие впечатления рассказчика от визита у Лидочки:

Я вошел в дом. Лидочка занимала одну комнату. Что это была за комната! Крошечные окна, низкий, кривой потолок с балками внутрь, известковые стены, синие от сырости, узенькая железная кровать и стол с зеркалом, завешенным шитым полотенцем¹¹.

Раствление и косность провинциальной жизни в целом Куприн воспроизводит посредством городского пейзажа. Все произведения, в которых уездный быт показан в мрачном свете, объединяет слово-ключ: грязь. Оно употребляется, разумеется, как в буквальном смысле, так и приобретает символическое значение. В качестве примера приведем негативный облик города, нарисованный прозаиком в рассказе *Черная молния*:

Так и живет городишко в сонном безмолвии. В мирной неизвестности, [...] со своими шестнадцатью церквями на пять тысяч населения, с дощатыми тротуарами,

¹¹ Ibidem, с. 222.

со свиньями, коровами и курами на улице, с неизбежным пыльным бульваром на берегу извилистой несудоходной и безрыбой речонки Ворожи, — живет, зимою заваленный снежными сугробами, летом утопающий в грязи, весь окруженный болотистым, корявым и низкорослым лесом¹².

Процитированный фрагмент дает основание утверждать, что в таком затхлом и грязном пространстве возможно лишь унылое и скучное прозябание. Тем не менее надо помнить, что провинциальный мир в творчестве Куприна неоднороден. Некоторые персонажи, чаще всего приехавшие в провинцию из какого-нибудь крупного или столичного города, доходят здесь, по словам героя рассказа *Попрыгунья-стрекоза*, «до скуки, до одурения». Зато другие, наоборот, воспринимают деревенскую или шире провинциальную тишину как источник покоя и безмятежности, а слово глушь приобретает для них положительную окраску. Такой подход к действительности писатель представил в рассказах *Без заглавия*, *Гранатовый браслет*, *Лесная глушь*, *Листригоны*, *На глухарей* и повести *Олеся*.

В первом названном рассказе в противовес городской суете, духоте и пыли Куприн выводит картины мирной сельской жизни с пленительной простотой нравов, уют и спокойствие которой нарушают лишь дачники. Похожие мотивы появляются в *Гранатовом браслете* и *Листригонах*, действие которых происходит в черноморских пригородных курортах. В остальных произведениях, навеянных впечатлениями о Полесье, писатель воспевает жизнь вдаль от цивилизации, в самом сердце природы, где предаваясь любимой охоте и непосредственно общаясь с миром животных и растений, можно приобрести душевную гармонию. Но и в такие отдаленные уголки вторгается негативное влияние города. В рассказе *Лесная глушь* он манит миловидную, но распутную и глупую жену Александра, постоянно изменявшую ему и сбегавшую от него в город. Герой упорно следует за супругой и привозит домой, но она ведет себя вызывающе:

Вместе с городским гардеробом Ониська привезла с собой легкость городских нравов и презрение к деревенской необразованности. Держала она себя с соседями заносчиво, употребляла в разговоре никому не ведомые слова [...] ¹³.

Следует отметить, что в рассказах полесского цикла поэтизация простых людей, лирические пейзажные зарисовки и картины мирного безмятежно-счастливого существования переплетаются описанием

¹² Idem: *Черная молния...*, с. 363.

¹³ Idem: *Лесная глушь*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 2. Москва 1971, с. 296.

жестокости и беспощадности деревенских жителей. Александр убивает жену, доведенный до крайности ее распутным поведением. Зато в *Кнокрадах* и *Олесе* Куприн изображает безжалостную крестьянскую массу, способную унижить или убить человека. В первом произведении потрясает сцена деревенского самосуда, а в повести *Олеся* самовластной расправы перебродских крестьянок с заглавной героиней. В этих случаях свирепая толпа совершает варварские поступки одержима гневом (*Кнокрады*) или страхом (*Олеся*), вызванным в свою очередь предрассудками, которые оказываются сильнее христианской заповеди любви к ближнему.

Дуализм Куприна в восприятии русской провинции проявляется также в рассказе *Черный туман*, в котором прозаик зафиксировал свое отрицательное отношение к Петербургу. Здесь автор тоже употребляет прием контраста, но на сей раз выбирает противоположное направление, перемещая провинциала-южанина в столицу. Мокрый, серый и скучный Петербург с грязными, суровыми параллельными улицами, заполненными желчными, сердитыми людьми с вечным флюсом, кашлем и человеконенавистничеством, губит сильного, здорового и жизнерадостного представителя широкого солнечного юга. Борис, приехавший в град Петров завоевать счастье и успех, через какое-то время разочарованный и больной возвращается на родину, чтобы умереть.

Эффект резкого контраста северной столицы и южной провинции создает писатель, противопоставляя осеннему Петербургу образ весенней Малороссии. Осень, символизирующая обычно увядание и приближение конца, в произведении предвещает смерть главного героя.

В то время как настоящая малороссийская весна является символом света, возрождения и подлинной жизни. Тоскуя по родным местам, Борис вспоминает:

Цветет черемуха, калина... Лягушки кричат по заводям, поют соловьи... Там ночь так уж ночь — черная, жуткая, с тайной страстью... А дни какие теперь там стоят! Какое солнце, какое небо! Что ваша Чухония? Слякоть [...] ¹⁴

Весной в Петербурге вместо такого живописного ландшафта можно увидеть красные, развороченные туши мертвой, отвратительной говядины, висящие в дверях мясных лавок.

В этом произведении Куприн продолжает традицию Гоголя и Достоевского, проявляющуюся в отрицательном изображении угрюмого столичного города и его уродливого влияния на жителей, вырисовывая картину города-призрака, в котором невозможно жить. Герой рассказа со

¹⁴ Idem: *Темный туман*. В: Idem: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 3. Москва 1971, с. 405.

злойбой говорит, что его энергию поглотил туман, постоянно окутывающий дома:

Понимаешь ты, что это такое? Понимаешь — это город дышит, это не туман, а дыхание этих камней с дырами. Здесь вонючая сырость прачечных, копоть каменного угля, здесь грех людей, их злоба, ненависть, испарения их матрацев, запах пота и гнилых ртов. Будь ты проклят, анафема, зверь, зверь — ненавижу!¹⁵

В заключение следует подчеркнуть, что тема провинции была настолько важной в творчестве Куприна, что он намеревался написать цикл произведений о русской провинции. Есть основание предполагать, что *Черная молния* является частью этого неосуществленного, но задуманного им в 1907—1909 годы цикла *Уездный город*, в котором он хотел писать о Даниловском¹⁶.

Все-таки печально звучат слова Турченко, прямо обвиняющего провинцию в отставании России от остальной части мира на всех уровнях развития как экономическом, политическом, социальном, так и нравственном. Лесничий убежден, что:

[...] не режим правительства, не скудость земли, не наша бедность и темнота виноваты в том, что мы, русские, плетемся в хвосте всего мира. А все это сонная, ленивая, ко всему равнодушная, ничего не любящая, ничего не знающая провинция, все равно — служащая, дворянская, купеческая или мещанская. Посмотрите на них, на сегодняшних. Сколько апломба, сколько презрения ко всему, что вне их куриного кругозора! Так, походя и развешивают ярлыки: „Ерунда, чепуха, вздор, дурак...» Попугаи! И главное, — он, видите ли, этого и этого не понимает, и, стало быть, это уже плохо и смешно¹⁷.

¹⁵ Ibidem, с. 406.

¹⁶ См. И.В. Корецкая: *Примечания*. В: А.И. Куприн: *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 5..., с. 502—503.

¹⁷ А.И. Куприн: *Черная молния...*, с. 379.

Nel Bielniak

**ŻYCIE PROWINCJI NA PRZEŁOMIE XIX I XX WIEKU
PRZEZ PRYZMAT TWÓRCZOŚCI ALEKSANDRA KUPRINA**

Streszczenie

Twórczość Aleksandra Kuprina stanowi swego rodzaju ilustrację życia rosyjskiego zaścianka przełomu XIX i XX wieku, z którym pisarz zetknął się podczas służby wojskowej na południowym zachodzie Rosji oraz w trakcie licznych wędrówek po kraju w poszukiwaniu pracy.

Utwory prozaika, ukazujące szeroką panoramę życia prowincji, cechuje swoista dwoistość. Tendencjom satyrycznym i demaskatorskim towarzyszy w nich bowiem wysławianie prowincjonalnej ciszy jako źródła spokoju i harmonii ducha. Kuprin wprowadza do swoich utworów opozycyjnie nacechowane obrazy wsi i miasta oraz przeciwstawia prowincji stolicę. Pisarz poddaje analizie między innymi specyficzną filozofię życiową, skalę wartości i cechy socjokulturowe społeczeństwa zaściankowego.

Słowa kluczowe: prowincja, miasto, wieś, obyczajowość, moralność

Nel Bielniak

**A PROVINCE LIFE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES
THROUGH THE PRISM OF ALEKSANDR KUPRIN'S WORKS**

Summary

Aleksandr Kuprin's works constitute a peculiar illustration of life of the Russian small town at the turn of the 19th and 20th centuries that the writer experienced during his military service in the south-eastern part of Russia and numerous migrations through the country when looking for a job.

The prose writer's works, showing a broad panorama of the province life, are characterized by peculiar duality. Satirical and unmasking tendencies are accompanied here by glorifying the provincial silence as a source of quietness and harmony of the spirit. Besides, Kuprin introduces the images of the village and town marked in opposition to his works, as well as contradicts a capital to the province. The writer analyses among other things specific life philosophy, the scale of values and socio-cultural features of the small-town society.

Key words: province, town, village, morals, morality